

## Рецензия

РУКОПИСЬ Степан Ганичев взял в издательстве утром. — Бери любую, — заведующий отделом прозы Георгий Мокшин открыл дверцу шкафа, — выбор большой, — усмехнулся: — Чем-чем, а этим мы не обижены.

— Пишут, — Ганичев вытащил из стопы первую подвернувшуюся папку.

Пишут, — Мокшин закрыл шкаф, вздохнул. — У нас еще терпимо. Ты бы посмотрел, что в журнале делается. Недавно Бортников звонил. Сказал, что журнал на три года вперед забит.

— Образованная молодежь пошла, — Ганичев грузно сел на один из стульев. — Им сейчас палец в рот не клади, живо отцапают да еще и скажут, что так и было.

— Образованная, — Мокшин согласно кивнул. — Знаки препинания ставят где положено, а души нет.

— Образованных сейчас до чертиков, а вот грамотных, к сожалению, мало. А па точках да запятых далеко не уедешь, — Ганичев положил папку в «дипломат», посмотрел на стоящего у окна Мокшина.

— На восклицательных тоже, — отозвался тот, не оборачиваясь. — Прошло то время.

— И слава Богу. Это раньше платили не за вопросительные знаки, а за восклицательные.

— Это ты верно подметил, — Мокшин отошел от окна, сел за стол. — Когда сделаешь?

— Спешно надо?

— Ты же знаешь, что чем быстрее, тем лучше.

— Ладно... Сегодня у нас что... вторник, — Ганичев наморщил лоб. — В четверг занесу.

— Успеешь?

— Должен, — Ганичев вздохнул. — Деньги нужны.

Мокшин понимающе кивнул, поинтересовался:

— Работаешь над чем?

— Пишу потихоньку, — неохотно отозвался Ганичев, поднимаясь. — Пишу.

— Я слышал... — Мокшин искоса посмотрел на него, потер подбородок. — Последняя повесть у тебя слабовата.

— От кого слышал? — Ганичев круто обернулся.

— Говорят, — Мокшин пожал плечами.

— Говорят, — Ганичев усмехнулся. — Говорят, что кур доят. Ценители, мать их за ногу. «Слабая», «сильная», «так себе». Чихал я на все это. Если б каждый писатель от произведения к произведению писал все лучше и лучше, то давно бы выписался или в Толстого, или в Достоевского. Но этого не происходит и, наверное, не произойдет... Ты Гурова помнишь?

— Семена Васильевича?

— Его. Так вот, когда я принес ему на суд свои первые рассказы, он бросил их «а стол и сказал, что это мура на постном масле, а спустя полгода, когда я хорошо прошел на Всесоюзном совещании, пожимал мне руку за эти же самые рассказы. Вот так-то.

— А чего это у него так резко мнение изменилось?

— А ты у него спроси, — Ганичев взялся за дверную ручку. — Правильно один товарищ сказал, что главное — это верить в себя и мнение читателей. Хорошо или плохо сделана вещь, рассудят полки книжных магазинов. Читателей не надуешь, они деньги на дерьмо тратить не будут. А остальное, — Ганичев пренебрежительно махнул рукой, — мышьяная возня. Конкуренция, группировки... Работа — вот главное!

— Да ладно тебе...

— А-а, — Ганичев поморщился. — Настроение дерьмовое. То ли погода, то ли еще что... Ты автора этой рукописи случайно не знаешь?

— А чью рукопись взял?

— Скворцов какой-то.

— Нет, — Мокшин отрицательно покачал головой. — Да и тебе ни к чему. Ты пиши рецензию на рукопись. Личное только мешать будет.

— И то верно... Ну, ладно, пойду я.

— Счастливо! Заходи, — Мокшин пожал протянутую руку и уткнулся в бумаги.

Выйдя из издательства, Ганичев поднял воротник плаща, постоял на крыльце и медленно зашагал под мелким дождем к автобусной остановке, раздраженно думая о том, что работы над рукописью предстоит много, а оплата маленькая. Мокшиный несколько раз говорил ему, что и рад бы заплатить побольше, да существуют расценки, выше которых он, к сожалению, прыгнуть не может. К тому же дремлющее око бухгалтерии...

Автобуса, как всегда бывает, когда спешишь, не было.

«Зря я разоткровенничался с ним, — подумал он. — Ой зря! Завтра же об этом будет всем известно. — Усмехнулся: — У нас, русских, всегда так, спохватываемся после, но никак не «до». А, плевать, говорил, что думал».

Народу в автобусе было мало, и он сел ближе к выходу. Ехать предстояло далеко. Хлопали двери, шуршали шины.

— Ганичев, привет! — прозвучало сбоку, и рядом тяжело сел Суматохин. Продолговатое лицо его было красным и оживленным.

— Погодка, — он кивнул в сторону окна. — Осень наползает.

— Время, — Ганичев поправил «дипломат».

— Ты откуда? — Суматохин искоса посмотрел на него.

— В издательство заходил.

— Что-нибудь новенькое сдал?

— Роман на 20 листов, — неожиданно для самого себя соврал Ганичев.

— Серьезно?! — Суматохин изумленно посмотрел на него. — Когда же ты успел?

— Успел, — Ганичев провел ладонью по запотевшему стеклу. — А ты куда и откуда?

— С телевидения в Союз. Говорят, что совещание скоро.

— Да? — тускло отозвался Ганичев.

— А я и не знал... Повесть крапает?

— Крапаю, — Суматохин зевнул.

— Насколько мне помнится, ты ее лет пять назад начал.

— А меня никто не гонит.

— Ясно, — Ганичев усмехнулся.

— Мне пора, — Суматохин встал и, не прощаясь, пошел к выходу.

Ганичев хмуро смотрел ему вслед.

Он не переваривал этого человека. Когда-то они вместе начинали и, вроде, хорошо начинали. Только вот он, худо-бедно, но пишет, а Суматохин ударился в телевидение, в творческие встречи с читателями по линии СП и общества книголюбов.

Неплохую кормушку отыскал... Сколько их у той кормушки сшивается... И живут, гады, неплохо, а он вот рецензиями подрабатывает, кое-как концы с концами сводит...

Дома никого не было. Ганичев сварил кофе, хотел позвонить в журнал, узнать, как

там дела с его рассказом, но передумал. Сел за письменный стол, достал из папки рукопись и стал читать...

К его удивлению, правки почти не требовалось. Написано было профессионально, добротнo. Сюжет и композиция крепки. Правда, рассказы были послабее, но на уровне. Но повесть, повесть была отменна.

Он задумчиво потер подбородок и позвонил Мокшину.

— Слушай, Василий. Я относительно рукописи Скворцова. Да, той, что взял на рецензию. Не знаешь, у него это первая работа?

— А что, плохо?

— Не разобрался еще.

— Если мне память не изменяет — первая. Впрочем, обожди, спрошу у Гладышевой, она в курсе... Первая.

- Он что, работает, учится?

- Работает.

- Ну ладно, бывай, — Ганичев положил трубку и вернулся к письменному столу...

— Черт, — он снова перелистал страницы. — Неужели он написал это сам? А если содрал у кого-нибудь? Не должно... Такую добротную вещь...

Ганичев откинулся на спинку стула, кривя губы вспомнил, сколько времени, сил и нервов стоило ему пробить свою первую книжку, и усмехнулся...

— Ну что? — на следующее утро спросил у него Мокшин в издательстве.

— Да как тебе сказать. Ганичев отвернулся.

— Парень способный, но работать еще надо... Я там сделал карандашом кое-какие замечания... Пускай еще поработает... — И кривя губы, процедил: — Уж больно шустрые они стали. Хотят с первого раза барьер взять, да еще без тренировок...